

сеть, и чѣмъ лучше сѣмя, тѣмъ обильнѣе колось. Такъ и съ нашими молитвами; чѣмъ искреннѣе, сердечнѣе будешь произносить каждое слово, тѣмъ больше плода отъ молитвы: каждое слово какъ зернышко, принесетъ тебѣ плодъ духовный, какъ зрѣлый колось. Кто изъ молящихся не испыталъ этого?

Искренность на молитвѣ предполагаетъ неизбѣжно искренность и прямоту сердца во всемъ поведеніи христіанина, во всей его жизни и обращеніи съ людьми. «Если хочешь, чтобы Господь давалъ сердечную вѣру твоей молитвѣ, старайся отъ всего сердца говорить и дѣлать все съ людьми искренно и отнюдь не будь съ ними двоедушень. Когда будешь прямодушенъ и довѣрчивъ съ людьми, тогда Господь подастъ тебѣ прямодушіе и искреннюю вѣру и по отношенію къ Богу. Того, кто не прямосердеченъ съ людьми, Господь неудобно прінимаетъ на молитвѣ, давая ему почувствовать, что онъ не искрененъ въ отношеніяхъ къ людямъ, а посему не можетъ быть совершенно искрененъ и по отношенію къ Богу, безъ душевнаго злостраданія». «Хорошо иногда на молитвѣ сказать нѣсколько своихъ словъ, дышащихъ горячею вѣрою и любовью къ Богу. Да не все чужими словами бесѣдовать съ Богомъ, не все быть дѣтми въ вѣрѣ и надеждѣ а надо показать и свой умъ, оторвать отъ сердца и свое слово благо, при томъ же къ чужимъ словамъ какъ то привыкаемъ и хладѣемъ. И какъ пріятель бываетъ Господу этотъ нашъ собственный лепетъ исходящій прямо отъ вѣрующаго сердца, пересказать нельзя».

Наконецъ для достиженія дара истинной молитвы необходима истинно христіанская жизнь. «Молитва при чувственности и душевности то же, что куреніе смраданаго изгробія... Вотъ почему у святыхъ отшельниковъ находимъ и молитву въ совершеннѣйшемъ видѣ. Обыкновенный порядокъ жизни какъ-то не совсѣмъ благопріятствуетъ совершенству въ молитвѣ. Ибо тогда какъ въ ней надобно отрѣшиться отъ всего

и какъ бы не существовать для внѣшняго, тутъ все дѣлываетъ вопль низвергаетъ духъ съ высоты, на которую лишь только востычетъ онъ со всеми усиліями» (Еп. Феофанъ «Начертаніе христіанскаго нравоученія» 396).

Благость Божія къ намъ грѣшнымъ, однако столь велика, что кто бы ты ни былъ, братъ мой, какъ бы много ты не оскорбилъ небснаго Отца своими прегрѣшеніями, но если, сознавъ и всѣмъ сердцемъ почувствовавъ грѣховную погибель, возведешь съ вѣрой умоляющій взоръ къ Нему, будь увѣренъ: Онъ услышитъ тебя. «Когда станешь на молитву, обремененный грѣхами многими и одержимый отчаяніемъ, начни молиться съ упованіемъ, духомъ горящимъ, и вспомни тогда, что Самъ Духъ Божій способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ, ходатайствуя о насъ воздыханіи неизглаголаннми. Когда ты вспомнишь съ вѣрою объ этомъ въ насъ дѣйствіи Духа Божія, тогда слезы умиленія потекутъ изъ очей твоихъ, и и а сердце будешь ощущать миръ, сладость, оправданіе и радость о Духѣ Святомъ, ты будешь глаголомъ сердца вопіять: Авва, Отче». «Гдѣ во всей полнотѣ силъ и красотѣ является жизнь въ Богѣ? На высшихъ степеняхъ молитвы, — говорить богомудрый наставникъ. — Такъ велика сила молитвы и ея значенія. Молитва есть все: вѣра, благочестіе, спасеніе. Слѣдовательно, о ней столь можно говорить, что и конца не будетъ». «О какой даръ неоцѣненный — молитва. Слава Тебѣ, Отче щедрость и всякія утѣхи. Слава Тебѣ, Сыне Божій единородный исходатайствовай вай намъ безконечное прощеніе грѣховъ нашихъ. Слава Тебѣ, Душе Всесвятой, ходатайствуй о насъ воздыханіи неизглаголаннми, дающій пламенную съ воздыханіями и слезами молитву, согрѣвающій хладную душу, дающій умиленіе и скорбь о грѣхахъ, очищающій, освящающій, умиротворяющій, обновляющій насъ. Слава Тебѣ, Троице Святая, Безначальная, Живоначальная, вовѣки благословляема отъ всѣхъ созданій умныхъ».

Теософія и Христіанство.

Въ настоящее время многіе очень интересуются и даже увлекаются теософіей, надѣясь найти въ ней отвѣтъ на занимающіе ихъ вопросы о высшемъ смыслѣ жизни, о назначеніи и загробной судьбѣ человѣка.

Ихъ какъ будто не удовлетворяетъ простота Евангелія, имъ хочется чего-то болѣе замысловатаго, таинственнаго и глубокаго.

Несомнѣнно; что по сравненію съ материалистическими ученіями, въ теософій

можно найти нечто болѣе глубокое и привлекательное: теософія признаетъ существованіе Высшаго Духовнаго Начала жизни, она вѣритъ въ загробное существованіе человѣка, она призываетъ къ нравственному усовершенствованію, къ подвигу, къ самоотверженію, проповѣдуетъ любовь и состраданіе ко всему живому. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ она, конечно, превосходитъ бездушный матеріализмъ. Но если ученіе теософіи сопоставить съ христіанскимъ ученіемъ, то первое окажется неизмѣримо ниже послѣдняго.

Ученіе теософіи о Богѣ неопредѣленно и отвлеченно, тогда какъ христіанство учитъ насъ о Богѣ, какъ о живомъ, личномъ и близкомъ къ намъ Существовѣ, какъ о безконечной Любви, Спасающей Человѣчество искупительнымъ подвигомъ Единороднаго Сына Божія и освящающей его благодатною силою Св. Духа. — Эта вѣра въ живого и личнаго Бога, нашего любящаго Отца и Спасителя, даетъ человѣческой душѣ огромную духовную поддержку, наполняетъ ее радостью, бодростью и утѣшеніемъ.

Ученіе теософіи о загробной жизни, гдѣ умершіе будто бы продолжаютъ жить тою же жизнью, тѣми же интересами, какими они жили на землѣ, является жалкимъ и безцвѣтнымъ сравнительно съ кроткими, но яркими образами Евангелія:

«Тогда праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ Царствіи Отца ихъ...» «Мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть...» «Око человѣческое не видѣло, и ухо человѣческое не слышало, и на сердце человѣческое не всходило, что Богъ приготовилъ любящимъ Его...»

Что же касается проповѣди самоотверженія и любви къ ближнему, то можетъ ли быть въ этомъ отношеніи болѣе высокой призывъ и примѣръ, нежели земная жизнь и ученіе Господа Иисуса Христа?!

Основными положеніями теософскаго ученія являются законъ причинъ и слѣдствій, или законъ Кармы, и законъ перевоплощенія. По закону Кармы все существующее въ мірѣ находится въ самой тѣсной взаимной связи и зависимости. Каждая вещь и каждое явленіе имѣютъ свои причины и сопровождаются своими неизбѣжными послѣдствіями. Какъ необходимое слѣдствіе закона Кармы является законъ перевоплощенія.

Въ этихъ двухъ законахъ теософія видитъ разумнѣйшее объясненіе всѣхъ видимыхъ противорѣчій жизни и судьбы человѣка. По утвержденію теософіи, если допустить только однократное существованіе человѣка на землѣ, то жизнь человѣка на землѣ окажется преисполненной непримиримыхъ противорѣчій и необъяснимой несправедливости. Почему, напримеръ, одинъ человѣкъ рождается въ бѣдности, другой въ богатствѣ, одинъ всю жизнь бѣдствуетъ, другой благоденствуетъ одинъ рождается гениемъ, другой идиотомъ, одинъ существуетъ на свѣтѣ какихъ нибудь два дня, другой — цѣлое столѣтіе? Всѣ эти неравенства и несправедливости становятся понятными и уничтожаются лишь при допущеніи возможности перевоплощенія человѣка и закона Кармы. Каждый человѣкъ несетъ въ своей жизни неизбѣжныя послѣдствія своего предыдущаго существованія и подготавливаетъ свое будущее воплощеніе. Кто нынѣ бѣдствуетъ, тотъ или заслужилъ это своимъ прежнимъ существованіемъ, или избавится отъ этого и получитъ возмѣщеніе въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи. Только въ рядѣ перевоплощеній уравниваются и исправляются всѣ неравенства и несправедливости отдѣльныхъ существованій. И Человѣкъ неизбѣжно, роковымъ образомъ, подвигается впередъ къ назначенной ему цѣли — высшему совершенству и блаженству, очищаясь постепенно, въ рядѣ перевоплощеній, отъ всѣхъ своихъ пороковъ и недостатковъ.

Что же можно сказать объ этомъ ученіи съ христіанской точки зрѣнія? Несомнѣнно, въ мірѣ существуетъ законъ причинъ и слѣдствій. Несомнѣнно, всѣ существа міра соединены между собою взаимною связью, такъ что характеръ и жизнь одного существа отражаются на характерѣ и жизни другихъ существъ. Но въ 1-хъ изъ этого закона совсѣмъ не вытекаетъ съ неизбѣжной необходимостью законъ перевоплощенія, и во 2-хъ, это не есть какой-либо с а м о б ы т н ы й, роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ дѣйствующій законъ. По христіанскому ученію онъ подчиненъ Высшей, свободной, разумной и благой волѣ Творца міра. Необходимость перевоплощенія вызывается, по ученію теософіи, существующимъ въ мірѣ неравенствомъ и видимой несправедливостью человѣческой судьбы. По христіанскому ученію, огромное большинство нашихъ страданій является результатомъ нашего

грѣха и для своего устранения требует не перевоплощенія, а сознанія своихъ ошибокъ, покаянія и исправленія жизни. Страданія же дѣйствительно невинныя получаютъ свое воздаяніе и утѣшеніе въ жизни загробной, когда, по выраженію Слова Божія, Господь отретъ каждую слезу человѣческую, какъ это видно и изъ притчи о богачѣ и Лазарѣ, гдѣ Авраамъ говоритъ богачу: «Чадо, ты получилъ уже доброе въ жизни твоей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь» (Лк. 16. 25).

Теософія утверждаетъ, что рядомъ перевоплощеній человѣкъ очищается отъ своихъ пороковъ и достигаетъ совершенства. Но посмотримъ, каково это совершенство? Совершенство это механическое, оно достигается безъ участія свободной воли человѣка. Хочетъ ли человѣкъ — совершенствоваться, или не хочетъ, это въ сущности безразлично. Въ концѣ концовъ каждый человѣкъ неизбежно, по закону Кармы, достигнетъ совершенства съ тою разницею, что одинъ достигнетъ этого совершенства черезъ сто перевоплощеній, а другой черезъ тысячу или сто тысячъ перевоплощеній. Это все равно, какъ если засыпать въ мельницу хлѣбныя зерна. Будучи брошены въ мельницу, они неизбежно, хотятъ ли они того, или не хотятъ, превращаются въ муку. Вселенная — это огромная мельница, оправдывающая пословицу — перемелется, мука будетъ.

Выбора для человѣка нѣтъ, а слѣдовательно и свободы нѣтъ. Каждый человѣкъ достигаетъ совершенства, а слѣдовательно и блаженства — механически. Понятно, по этому, что теософія не признаетъ существованіе ада. Существованіе ада возможно лишь при условіи человѣческой свободы, ибо адъ есть ничто иное, какъ свободное отверженіе человѣкомъ Бога, свободное отверженіе своего блаженства. Вопреки теософіи, христіанство утверждаетъ полную неприкосновенность человѣческой свободы. Совершенство и блаженство достигается человѣкомъ не механически, не неизбежно, а при непремѣнномъ условіи его свободного въ этомъ дѣлѣ участія. Изъ этого видно, насколько христіанское ученіе возвышеннѣе и правдивѣе теософскаго ученія о Кармѣ и перевоплощеніи.

Теософія пытается подтвердить свое ученіе о перевоплощеніи ссылками на Евангеліе. Укажемъ одинъ примѣръ. Послѣ своего преображенія Иисусъ Христосъ сказалъ

своимъ ученикамъ въ отвѣтъ на ихъ слѣдующее, что передъ Мессіей долженъ придти на землю пророкъ Илія: «Говорю вамъ, что Илія уже пришелъ, и не узнали его, а поступили съ нимъ, какъ хотѣли» (Мф. 17. 12). Ученики поняли, что Иисусъ говорилъ имъ объ Иоаннѣ Крестителѣ. Основываясь на этомъ мѣстѣ Евангелія, теософія утверждаетъ, будто Иоаннъ Креститель былъ никто иной, какъ перевоплотившійся пророкъ Илія. Но такъ ли это? Чтобы правильно понимать Евангеліе, нельзя толковать тѣ или другія его слова въ ихъ отдѣльности отъ другихъ мѣстъ Евангелія, но необходимо сопоставлять одни слова Евангелія съ другими и провѣрять и дополнять свое толкованіе Евангелскаго текста другими мѣстами Евангелія. Если мы для уясненія истиннаго смысла вышеприведенныхъ словъ Спасителя объ Иоаннѣ Крестителѣ прочтемъ изъ Евангелія Иоанна въ главѣ 1-ой стихи 19-21, то увидимъ, что самъ Иоаннъ Креститель совершенно определенно отрицаетъ, что онъ есть пророкъ Илія. «И вотъ свидѣтельство Иоанна, когда Іудеи прислали изъ Іерусалима священниковъ и левитовъ спросить его, кто ты? Онъ объявивъ и не отрекая, и объявивъ, что я не Христосъ. И спросили его: Что же? ты Илія? Онъ сказалъ: нѣтъ». (Іоан. I. 19-21). И такъ, если самъ Иоаннъ Креститель не признаетъ себя пророкомъ Иліею, то, очевидно, слова Спасителя о немъ надо понимать не въ смыслѣ отождествленія его съ пророкомъ Иліею, какъ это дѣлаетъ теософія, а лишь въ смыслѣ его уподобленія этому великому Вѣтхозавѣтному пророку, какъ это мѣсто всегда понимала и понимаетъ вся христіанская Церковь, безъ различія вѣроисповѣданій.

Мы не можемъ въ краткомъ посланіи разсматривать другія ссылки теософіи на Евангеліе. Скажемъ только, что ни свящ. Писаніе В. Завѣта, ни Свящ. Писаніе Новаго Завѣта не признаютъ ученія о перевоплощеніи. Ап. Павелъ пишетъ: «Человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ». (Евр. 9. 27). Если положено однажды умереть, то, очевидно, однажды и родиться. Ни въ твореніяхъ Св. Отцовъ Церкви, ни въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, ни въ правилахъ Св. Соборовъ, ни во всей послѣдующей богословской литературѣ мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ученія о перевоплощеніи. 5-й вселенскій Соборъ осудилъ ученіе Оригена о предсуществованіи душъ, а, слѣдовательно, и о перево-

площеніи, такъ какъ перевоплощеніе пред- полагаеть предсуществованіе душъ.

Въ виду всего сказаннаго, надо быть осторожными и не увлекаться теософіей, которая можетъ отвлечь наши души отъ единственнаго чистаго источника жизни и спасенія — Святаго Евангелія.

«Будьте тверды, непоколебимы, всегда

преуспѣвайте въ дѣлѣ Господнемъ, зная, что трудъ вашъ не напрасенъ предъ Господомъ» (1 Кор. 15. 28).

«Смотрите, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу» (Колос. 2. 8.).

Прот. Сергій Четвериковъ.

На Афонъ.

Разскажу теперь о подвижникахъ другого типа, — пустычникахъ и аскетахъ, которыми и понынѣ изобилуетъ св. аѳонская гора. Начну съ обитателей дикаго и пустыннаго мѣста, именуемаго «Каруля».

Представьте себѣ высокую, голую, нависшую надъ моремъ скалу, обращенную на югъ, т. е. на самый припекъ. На этой скалѣ лѣплятся, подобно ласточкинымъ гнѣздамъ, полтора десятка крохотныхъ каллибокъ. Ко многимъ изъ нихъ, чтобы добраться, приходится итти по тропинкамъ шириною въ два съ половиной аршина. Тропинки эти вьются по выступамъ скаль, а далеко далеко внизу слышится ласковый гулъ морского прибоя. Конечно, просто по этимъ тропинкамъ ходить невозможно, и поэтому вдоль нихъ протянуты желѣзныя цѣпи (даръ одного московскаго купца-благодѣтеля), за которыя и держатся при переходѣ. Немногіе изъ паломниковъ и даже монаховъ аѳонскихъ рѣшаются путешествовать по этимъ, болѣе чѣмъ козымъ, тропамъ. Я и понынѣ вспоминаю съ содроганіемъ о своихъ лазаніяхъ по караульнымъ цѣпямъ, и, кто знаетъ, отважусь ли въ будущемъ на подобныя путешествія.

Въ прежнее время, карульцы, чтобы сбереечь свое уединеніе отъ назойливыхъ богомольцевъ, частенько совсѣмъ снимали цѣпь, или въ болѣе древнія времена веревку и, такимъ образомъ, совсѣмъ отрѣзывали себя, иногда надолго, отъ внѣшняго міра. Пропитаніе тогда доставляли имъ въ лодкахъ проѣзжіе монахи. Для этой цѣпи надъ отвѣсной скалой на длинной веревкѣ постоянно висѣла небольшая корзинка, куда проѣзжіе лодочники опускали свою скромную лепту — сухари, рисъ, соль, масло и вино для церкви. Другой пищи карульцы не принимали.

Въ наше время наибольшимъ почитаніемъ пользуется на Карулѣ іеросхимонахъ о. Θεодосій. Воспитанникъ Казанской Ду-

ховной Академіи, очень хорошо ее окончившій, о. Θεодосій еще со школьной скамьи тяготѣлъ къ пустынному уединенію. Вынужденный по закону отслужить за свое обученіе по духовному вѣдомству 5 обязательныхъ лѣтъ, онъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, едва дождался истеченія этого срока. Къ этому времени о. Θεодосій дослужился до инспектора духовной семинаріи и даже предназначался въ ректора съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Не за горами была и архіерейская митра. Но какъ только минуло пять лѣтъ, о. Θεодосій немедленно подалъ въ отставку и, несмотря на уговоры начальства, удалился на св. Аѳонскую гору — цѣль его давнишнихъ юношескихъ мечтаній. Не очень привѣтливо однако, встрѣтили на Аѳонѣ новаго подвижника. Великія испытанія въ самомъ началѣ ожидали о. Θεодосія. На Аѳонѣ свои порядки. Монашескій искусь тамъ дологъ и труденъ. Во избѣжаніе личнаго честолюбія и соревнованія между монашествующими, строго соблюдается старшинство времени. Никто не можетъ перегнать другого по іерархической лѣстницѣ. Пока старшій по жизни въ монастырѣ не будетъ, скажемъ, рукоположенъ, младшій не можетъ получить рукоположенія. Этимъ достигнуто спокойствіе и миръ среди иноковъ. Конечно, изъ этого правила исключаются больные, не пожелавшіе учиться. Кромѣ того, по смерти игумена, новый назначается не по старшинству, а выбирается братіей, однако, изъ числа іеромонаховъ. И вотъ, о. Θεофанъ (такъ звали о. Θεодосія до принятія схимы), ученый іеромонахъ, пріѣхавъ на Аѳонъ, оказался въ чрезвычайно трудномъ положеніи. У него были знаки отличія, которые давали ему старшинство надъ многими святогорскими іеромонахами, и поэтому ни одинъ монастырь не хотѣлъ прини-